

УДК 316.34/.35
ББК 60.54
П 74

В.Л. Примаков,

доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры социологии Московского государственного лингвистического университета, г. Москва, тел.: +79166171714, e-mail: prime95@yandex.ru

В ФОКУСЕ – МЕЖЭТНИЧЕСКАЯ НАПРЯЖЕННОСТЬ

(рецензия на монографию коллектива авторов «Этносоциальные процессы: региональное измерение / гл. ред. Р.Д. Хунагов; ред. А.Ю. Шадже, С.А. Ляушева. – Майкоп: Качество, 2015. – 162 с.»

(Рецензирована)

Аннотация. В рецензии осуществлен анализ и осмысление выводов, изложенных на страницах коллективной монографии «Этносоциальные процессы: региональное измерение». Подчеркивается важность междисциплинарного изучения, анализа и оценки межэтнической напряженности как важнейшего показателя состояния этнокультурных процессов. В рецензии поднимаются вопросы, связанные с дальнейшим эмпирическим изучением и оценкой этого важного феномена.

Ключевые слова: этносоциальные процессы, межэтническая напряженность, этноконфессиональные отношения, региональная специфика, Республика Адыгея, исследование.

V.L. Primakov,

Doctor of Sociology, Professor, Professor of Sociology Department, the Moscow State Linguistic University, Moscow, ph.: +79166171714, e-mail: prime95@yandex.ru

THE FOCUS IS INTERETHNIC INTENSITY

(Review of the monograph of group of authors “Ethnosocial Processes: Regional Measurement” / Chief Editor R.D. Khunagov; Eds. A.Yu. Shadzhe, S. A. Lyausheva. – Maikop: Kachestvo, 2015. – 162 pp.)

Abstract. In the review, the author makes an analysis and judgment of the conclusions stated on pages of the collective monograph “Ethnosocial Processes: Regional Measurement”. Importance of interdisciplinary studying, the analysis and an assessment of interethnic intensity as most important indicator of a condition of ethnocultural processes is emphasized. The review rises the questions connected with further empirical studying and assessment of this important phenomenon.

Keywords: ethnosocial processes, interethnic intensity, ethnoconfessional relations, regional specifics, Republic of Adyghea, research.

Полиэтничность и многоконфессиональность российского общества превращает Россию в особый социокультурный феномен. На ее просторстве возникают своеобразные этноконфессиональные идентич-

ности, поведенческие социальные практики, формы группового сознания, восприятия и оценки. Логично, что взаимодействие столь разных социокультурных феноменов порождает специфические по содержа-

нию явления и процессы в межэтнических и межконфессиональных отношениях. За констатацией этой специфичности достаточно широкий спектр явлений: от осознания индивидуальных и групповых различий, культурных и иных особенностей, ценностно-нормативных несовпадений до социокультурных поведенческих практик, действий в отношении друг друга; от межкультурных браков, многовековой межнациональной дружбы и межрелигиозной терпимости, взаимной помощи до противоречий, проблем, ксенофобии, ненависти и конфликтов.

За относительно долгие годы советской дружбы народов мы привыкли к якобы бесконфликтности в межнациональных отношениях. Нет, конечно, конфликты были, но на таком локальном уровне, что не вызывали общественного (даже регионального или республиканского) резонанса и актуальности серьезной научной рефлексии. Межнациональные и межрелигиозные конфликты, националистические проявления, межэтнические столкновения, война в Чечне, террористические акты перевернули общественное сознание. Общество и наука столкнулись с взрывом ксенофобии, ненависти к другим расам, этносам и конфессиям; все чаще совершаются преступления на национальной и религиозной основе; растет социальная база поддержки национализма и экстремизма. Однако все это слабо отражается в современных научных концепциях и теоретических подходах. Причем зачастую слабо «срабатывает» как теоретический багаж западных авторов, так и теоретическое наследие советского и даже постсоветского периода.

Природа межкультурного конфликта, без сомнения, сложна и многогранна, как и связь этого феномена с другими явлениями и процессами, опосредующими либо определяющими этот конфликт. Особенно рельефно, глубоко и остро такие конфликты протекают в ме-

жэтнических отношениях. Это не может не актуализировать поиск новых научных подходов к анализу различных явлений и процессов, протекающих в сфере этнокультурных отношений. Один из них связан с изучением межэтнической напряженности – социального феномена, предшествующего и сопутствующего конфликтам, сигнализирующим о его вызревании. Пользуясь врачебной терминологией, можно сказать, что напряженность есть «социальная температура» этнокультурных отношений, характеризующая начало и степень «болезни», «патологии» в функционировании и развитии общественного организма.

Все вышесказанное позволяет не только высоко оценить актуальность рецензируемой коллективной монографии коллег из Адыгейского государственного университета, но и особенно подчеркнуть верный, с точки зрения понимания реперности внутренней генетической обусловленности этноконфессиональных конфликтов, выбор фокуса научного анализа этносоциальных процессов, а именно – межэтническую напряженность. Отмечу, кстати, что этот фокус внимания значительное время консолидирует научные усилия кафедры социологии и Института международных отношений и социально-политических наук МГЛУ¹.

¹ Примаков В.Л., Образцов И.В., Маткаримова Г.В. Этноконфессиональная напряженность в Российской Федерации: опыт социологического изучения и анализа: Монография; под ред. В.Л. Примакова. – М.: ФБГОУ ВПО МГЛУ, 2014. – 118 с.; Примаков В.Л., Половнев А.В. Исследование этноконфессиональных отношений в России: теория, методология, методика: учебное пособие. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – 252 с.; Этноконфессиональные факторы укрепления единства России и расширения межкультурного диалога на пространстве СНГ: Монография /А.Я. Касюк и др. – М.: ИПК МГЛУ «Рема», 2011. – 192 с.;

Знакомство с монографией, признаюсь, не только обострило научный интерес к проблеме, но и катализировало серьезную рефлексию собственного научного опыта изучения данного феномена. Эта рефлексия в силу формата статьи дает возможность выразить отношение к работе в ряде фрагментарных умозаключений.

Прежде всего, замечу, что когда речь заходит о межэтнической напряженности, то стереотипно и объективно проявляется образ полиэтнического, мультикультурного Юга России. Этническая и конфессиональная мозаичность, межкультурная специфичность региона объективно обуславливает не только оправдание повышенной напряженности, но и потребность в глубоком научном осмыслении сложных этноконфессиональных процессов. Равно как и поиск специфических путей предупреждения и профилактики этой напряженности. Акцентируя внимание именно на этом угле зрения, подчеркну, что важной отличительной чертой представленной работы является ее региональный аспект анализа. Дело в том, что большинство научных работ по этнической и конфессиональной проблематике, как правило, сохраняют общероссийский фокус внимания. Это касается и оценки состояния, и прогнозирования, и анализа мер по регулированию. Поэтому-то зачастую такие выводы слабо связаны с реальным состоянием этноконфессиональных отношений в конкретных регионах. Это, как, пользуясь опять же врачебной терминологией, «средняя температура по больнице». Тем не менее, «лечить» необходимо конкретного «больного».

Представленная монография четко обозначает региональное измерение и в анализе современных этносоциальных процессов Юга России, и в оценке состояния межкультурных отношений между конкретными народами и этносами, и в изучении обстоятельств и

условий их формирования, и в характеристике особенностей национальной политики в регионе, и в осмыслении путей регулирования межэтнической напряженности. Это, во-первых, и главное, в чем видится научно-практическая и прикладная ценность данной работы. Усиливая данный тезис, хочется подчеркнуть, что именно так и должен развиваться и накапливаться теоретический и прикладной ресурс научного знания о значимых социальных феноменах и способах их социального регулирования. Характерные особенности конкретного региона должны становиться фокусом научного внимания в оценивании состояния и определении мер профилактики негативных социальных явлений и процессов.

Во-вторых, представляется весьма важным заметить, что большинство выводов о состоянии напряженности в межэтнических отношениях, как и путях ее снижения, строятся авторами на широкой базе эмпирических социологических, социально-психологических, этнографических исследований. В прямой постановке анализ состояния межэтнической напряженности стал эмпирической основой для работ многих авторов монографии. Вполне обоснованно выглядит обостренное внимание к подобным проблемам в Республике Адыгея, в других республиках и областях региона, даже в конкретных районах и населенных пунктах. Ибо напряженности вообще не бывает, она локализуется и конкретизируется в местах конкретного проживания конкретных народов и этносов.

Исключительно в качестве примеров, вызвавших наибольший интерес, приведу результаты анализа межкультурных установок, настроений, специфицирующих напряженности в среде межкультурных отношений курдской общины в Красногвардейском районе республики, представленный на страницах монографии З.А. Жаде

(С. 27-29). Интересным представляется вывод о сложной связи уровня межэтнической напряженности со степенью (индексом) этнической мозаичности (ИЭМ) населения, зафиксированный Н.А. Ильиной (С. 40-44). В контексте изучения межэтнической напряженности, с моей точки зрения, серьезный эвристический потенциал несет в себе анализ характеристик эмоционального восприятия различных идентичностей современной северокавказской молодежью, выявленных в ходе эмпирического исследования в ряде республик и краев региона и положенные в основу научных выводов Е.С. Куквы на страницах монографии (С. 80-84). Интересная статистика собрана и проанализирована в материалах монографии, представленных А.А. Шаовым и В.Н. Нехаев (С. 115-128). В монографии можно привести и другие примеры, однако ограничусь представленными. Показательно, что анализ и оценка межэтнической напряженности основывается на конкретных эмпирических данных, учитывает многофакторную среду взаимоотношений и реальной повседневности конкретных этносов и групп.

В-третьих. Современные исследования межэтнической напряженности заставляют учитывать взаимосвязь объекта нашего анализа с содержанием социокультурной идентичности. Тем обоснованнее и полезнее выглядит обращение авторов монографии к идентификационным процессам, в анализе которых сложились устойчивые и авторитетные научные школы.

Трудно представить себе отсутствие связи содержания идентичности и социальной напряженности. Ведь идентификационная «матрица» определяет систему интериоризированных норм и ценностей, оценок и установок, ориентаций и поведенческих стереотипов. С другой стороны, все еще остается открытым вопрос о том, по отно-

шению к каким социальным объектам (этническим, конфессиональным, культурным, иным) и как проявляется эта «матрица», чтобы можно было фиксировать хотя бы отсутствие/наличие напряженности. Более того, сама идентификационная «матрица» формируется и проявляется в системе сложных социокультурных рисков. Это хорошо подмечено как определяющий угол зрения составителями монографии. Поэтому трудно не согласиться с авторами в том, что «идентификационное пространство России переживает кризис на национальном, региональном и этническом уровнях. На идентификационные процессы и усиление межэтнической напряженности оказывают влияние риски, являющиеся сложными необратимыми процессами». «Мегариски, глобальные и собственно российские риски, здесь дополняются конкретными региональными» (С. 72).

Замечу, что анализу и состоянию региональных идентификационных процессов, формированию многоуровневой идентификации, ее социокультурных (общероссийских, этнических, конфессиональных, региональных и иных) составляющих, в том числе в условиях современных рисков, в монографии уделяется большое внимание. Что, без сомнения, полезно и обоснованно с точки зрения анализа социокультурного своеобразия Юга России и народов, его населяющих. Вместе с тем логика научного поиска подталкивает к поиску ответов на вопрос о последствиях формирующейся (сложившейся) идентичности, в том числе о влиянии этой многоуровневой идентичности на этноконфессиональную напряженность.

В-четвертых, полагаю, что особой эвристической ценностью в представленной монографии выступает и будет выступать в дальнейшей научной работе по проекту прикладная составляющая, связанная с обоснованием и разработкой

путей и способов снижения межэтнической напряженности в регионе. Этому обоснованно посвящен третий раздел монографии. Само содержание материала говорит о том, что в университете, республике, в регионе в целом накоплен богатейший материал управленческого воздействия на межэтнические и межконфессиональные процессы. Причем с учетом конкретной социокультурной специфики региона.

Остановлюсь только на двух моментах. Мне представляется важным и необходимым подчеркнуть, что анализ, как и практические рекомендации и предложения, затрагивают, прежде всего, макроуровень национальной политики. Понимание специфичности реализации государственной национальной политики в конкретном регионе – это не столько дополнение к общефедеральным решениям и мерам, сколько ее спецификация в конкретных условиях, о чем ясно и четко пишут Р.Д. Хунагов и З.А. Жаде, характеризуя особенности национальной политики в регионе: «Реализация целенаправленной национальной политики должна предполагать ее адаптацию к конкретным условиям и должна осуществляться не только на федеральном уровне, но и на уровне субъектов федерации. Без учета региональных особенностей государственная национальная политика не может быть достаточно результативной» (С. 153). С этим попросту трудно не согласиться.

С другой стороны, мне показалась очень интересной и плодотворной разработка теории и методологии диалоговой стратегии регулирования межэтнической напряженности в авторстве А.Ю. Шадже и С.А. Ляушевой (С. 129-145). Хочу подчеркнуть, что речь идет не только о тривиальной необходимости межкультурного диалога, сколько о формировании культуры диалогового мышления (!), необходимости формирования ценностно-нормативного потенциа-

ла и диалогических институтов, основанных на социокультурной специфике региона (!).

В-пятых. Необходимо признать и еще неоспоримое достоинство представленной монографии. Это междисциплинарный характер проведенного исследования. Причем, это достоинство можно обоснованно распространить как на методологический уровень, так и теоретический, и методический, и прикладной. В этом отношении монография, с моей точки зрения, подает пример не только мультипарадигмальности изучения сложных социокультурных процессов, но и учета различных современных концептуальных подходов к их анализу. Широко использованы теоретические наработки и методический инструментарий различных наук. А выводы найдут свое место как в научных концепциях, так и широкой исследовательской и педагогической практике.

В связи с вышесказанным замечу, что ценность любого научного труда заключается не только в том, на какие вопросы и как он дает ответы. Но и то, какие вопросы он порождает, какие научные перспективы формирует, на какую методологическую стратегию изучения объекта направляет. Продолжая эту мысль, хочу подчеркнуть, что данная монография позволяет увидеть и сформулировать некоторые научные проблемы, которые требуют если не сиюминутного решения, то серьезного осмысления. И в этом также я вижу неоспоримое достоинство представленного научного исследования.

Пожалуй, одним из самых интересных вопросов, как и проблем научного анализа межэтнической напряженности, было и остается сущностная характеристика явления и определение содержательных границ напряженности. Нет возможности и необходимости в рамках формата рецензии анализировать сущностные определения

межэтнической напряженности. Равно как и процитировать какое-либо (если оно есть?) каноническое определение, несмотря на их обилие. Хочу, скорее, сформулировать проблему: что в своей сущностной основе представляет социальная напряженность, в какой степени она рациональна, и/или эмоциональна, и/или поведенчески выражена? Ответы на эти вопросы задают содержательные границы явления. Сформулирую их в виде некоторых вопросов. Как содержательно соотносятся толерантность, напряженность и конфликт? Можно ли говорить о том, что между ними существует четкая граница, или одно явление как-то (как?) содержательно «наслаивается» (или «переходит») на другое? Находит ли свое место конфликт в напряженности, как и напряженность в конфликте? Полагаю, что без ответов на эти и другие вопросы дальнейшее исследование собственно межэтнической напряженности будет весьма затруднительно. Ибо исследователи постоянно будут изучать уже не напряженность в различных ее уровнях, а реально протекающий конфликт. Как и интерпретировать полученные результаты. Замечу, что в материалах монографии авторы статей при оценке напряженности используют как оценочные характеристики сознания, так и факты межэтнических конфликтов. Думается, что дальнейшая работа по обозначенному проекту будет способствовать поиску ответов на эти и другие исследовательские вопросы.

Это важно еще и с той точки зрения, что реализуемый коллегами проект предполагает «совершенствование аналитического инструментария» исследования межэтнической напряженности на Юге России, а на втором этапе – проведение эмпирических замеров и оценку межэтнической напряженности. А это, как мне представляется, актуализирует вопрос о поиске

релевантных эмпирических показателей этой напряженности, а в целом – создание авторской валидной методики исследования межэтнической напряженности в регионе, определение ее уровней и оценки. Думается, что апелляция к некой универсальной методике и результатам рейтинга межэтнической напряженности регионов России, осуществляемого Центром изучения национальных конфликтов, вряд ли можно считать оправданной. Ибо этот рейтинг межэтнической напряженности осуществляется на данных «мониторинга открытых источников» и учитывает «этнически мотивированные конфликтные действия различной степени интенсивности (от размещения ксенофобного контента в Интернете до массовых столкновений с применением оружия и смертельными исходами)» [1]. Думается, что научная обоснованность подобного эмпирического и информационного контента анализа, как и выводы относительно оценки уровня, должны вызывать как минимум осторожность. Например, даже на страницах рецензируемой монографии оценки уровня межэтнической напряженности в Адыгее существенно разнятся (от низкого уровня до открытой напряженности).

В связи с оценками уровня напряженности объективно формулируется еще один важный методологический вопрос, который традиционно обходят некоторые исследователи. Постулируется как непреложный и неподвергаемый сомнению посыл, что межэтническую напряженность необходимо снижать. Вопрос: до какого уровня? Ведь всем понятно, что напряженность объективна в силу этнокультурных различий, сложившейся идентичности, истории и практики межкультурного взаимодействия и т.п. Она всегда была, есть и будет, хотя бы на фоновом уровне. От нее невозможно избавиться, ибо различия между представителями раз-

ных этносов и конфессий, несхожесть их поведения, восприятия и оценок всегда были и останутся. Более того, даже снизив напряженность, нельзя быть уверенным в том, что она не появится вновь в изменяющихся политических, экономических, социальных, культурных и иных условиях, в условиях постоянного социального риска.

Когда же речь идет о необходимости, путях и средствах снижения напряженности, то есть об управленческом воздействии на этот объективный процесс и прогнозе его состояния, важно понять то нормативное и/или идеальное состояние, к которому необходимо устремлять снижение. Иначе регуляция будет бесцельной, с неопределенными путями и средствами. Системная ориентация на снижение межэтнической напряженности не определяет ее цели, уровня, до которого необходимо ее снизить в конкретных условиях межкультурного взаимодействия. Может, поэтому мы ее постоянно снижаем, а она постоянно существует. Ведь температура – это показатель и важный инструмент не только болезни, но и здоровья. Так и в регуляции этноконфессиональных отношений: есть смысл знать свою «температуру», постоянно ее отслеживать, прогнозировать и «удерживать» в определенных границах межкультурного «здоровья».

Не менее актуальной в связи с этим выступает задача поиска и выявления степени обусловленности межэтнической напряженности влиянием различных факторов: политических, экономических, социальных, как федеральных, так и региональных, местных.

В целом можно констатировать, что представленная коллективная монография «Этносоциальные процессы: региональное измерение» без сомнения являет собой законченный научный труд, направленный на изучение важнейших аспектов научной теории и социальной практики взаимодействия народов и этносов Юга России. Тот факт, что в качестве основного фокуса анализа была выбрана межэтническая напряженность, говорит о способности и ориентированности авторов на изучение действительно актуального и важного явления и процесса, характеризующего межкультурные отношения между народами региона. А сформированный междисциплинарный подход к анализу феномена подчеркивает широту и основательность научных устремлений авторского коллектива. Нет сомнения, что полученные выводы, разработанные положения найдут свое дальнейшее отражение как в научно-исследовательской практике, так и в педагогической деятельности коллег.

Примечания:

1. Рейтинг межэтнической напряженности регионов России // Сайт федеральной экспертной сети «Клуб регионов». URL: <http://club-rf.ru/rating>

References:

1. Rating of ethnic tension of the regions of Russia // Federal expert network site "The Club of Regions". [Electronic resource]. – URL: <http://club-rf.ru/rating>